

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Л.М. Ефимова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

Социальный протест в Индонезии формируется под действием четырёх основных процессов, происходящих в современном мире: модернизации, глобализации, вестернизации и демократизации. В Индонезии эти процессы набирают силу с начала XXI в. Их влияние неодинаково по отношению к разным группам и слоям общества, кроме того, оно варьирует в пространстве и во времени, определяя специфику форм и методов социального протеста.

Для правящих кругов Индонезии наибольшую опасность представляют стихийные социальные движения, вызванные резким ухудшением экономического положения широких масс населения. Народный гнев вызывают действия органов местного самоуправления, фактически лишаящие местных жителей доходов от добычи полезных ископаемых и использования земель. Модернизация не только разрушает привычный образ жизни местного населения, но и отнимает у него главный источник существования, которым были традиционные занятия. Экономическая глобализация и социально-политическая демократизация приводят к формированию протестных движений, облечённых в исламскую форму.

Тем не менее, риски, связанные с социальным протестом, представляются минимальными как для действующей власти, так и для стабильности политической системы в целом. Правящая коалиция и оппозиция будут использовать социальный протест в политической конкуренции осторожно, поскольку оба блока, по сути, политически и социально однородны, и их коренные классовые интересы сходны.

Ключевые слова: социальный протест, Индонезия, глобализация, демократизация, вестернизация, модернизация, этно-конфессиональные противоречия, ухудшение экономического положения народных масс.

Благодаря курсу на упрочение демократии властям современной Индонезии удаётся сохранять внутривластную стабильность. Однако время от времени в Индонезии вспыхивают социальные конфликты и движения социального протеста, принимающие насильственный характер и выливающиеся в кровавые акции и вооружённые столкновения. В подобных случаях социальный протест может дестабилизировать внутривластную обстановку, создавая серьёзную угрозу не только правящим кругам, но и территориальной целостности, а также конституционным устоям страны.

Социальный протест в Индонезии формируется под действием четырёх факторов, набирающих силу в XXI в.: модернизации, глобализации, вестернизации и демократизации. Их влияние неодинаково проявляется в разных частях страны, по-разному затрагивает социальные группы и слои индонезийского общества. Сочетание указанных факторов варьирует в пространстве и времени, определяя специфику форм и методов социального протеста.

Социальный протест, связанный с ухудшением экономического положения народных масс

Наибольшую опасность для правящих кругов Индонезии представляют стихийные социальные движения, связанные с резким ухудшением экономического положения широких масс народа. Темпы роста ВВП Индонезии составляют 5,5–6% в год. Экономический рост обусловлен успехами текстильной и горнодобывающей промышленности, но основным фактором экономического развития выступает низкий уровень оплаты труда. В стране растёт социально-экономическое расслоение. Доходы 10% самых богатых граждан почти в 11 раз превышают доходы беднейших 10% [15].

Падение уровня жизни обычно следует за скачками цен на топливо и продовольствие, немедленно вызывающими бурный всплеск социального протеста. Массовые демонстрации против взлёта цен на предметы широкого потребления в период финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг. привели к крушению военно-авторитарного режима президента Сухарто, правившего страной более 30 лет.

Для широких масс населения критически важны цены на керосин и другие виды углеводородного топлива, используемого для бытовых нужд. Нефтепродукты Индонезия импортирует, поэтому власти добиваются того, чтобы население заменило нефтепродукты газом, сокращая субсидии на керосин, которые съедают огромную часть бюджета. По понятным причинам, население выступает против снижения выплат, которые сдерживают рост стоимости жизни: ведь более 13% граждан страны проживают ниже уровня бедности, а 40% населения выживают на 2 доллара в день [17]. Рост цен на топливо не раз становился поводом к массовым протестным

выступлениям. В 1998 г. под нажимом МВФ Сухарто поднял внутренние цены на энергоносители, что ускорило падение его режима. В 2000 г. А. Вахид повысил цены, но от дальнейших аналогичных попыток отказался. Под давлением массовых демонстраций М. Сукарнопутри отказалась от своего намерения поднять цены на топливо. В 2005 г. С.Б. Юдойоно поднял цену с 4500 до 6000 рупий за литр, но в 2009 г. вынужден был снизить её до 5000, а в преддверии выборов – до 4500 рупий [2, с. 151–152].

Серьёзные народные выступления, особенно среди городского населения, произошли весной 2012 г. в связи с правительственным решением об отмене субсидий на используемые в быту виды топлива, включая бензин. Начались демонстрации, в которых участвовали неимущие слои, трудящиеся, студенты. Только в марте состоялись 1063 демонстрации, многие из которых полиция разогнала с применением дубинок и слезоточивого газа. Было много раненых. Массовые выступления не прекращались в течение двух недель. В них приняли участие 92 организации и в общей сложности 81 тысяча человек. Только за период с 26–30 марта демонстрации состоялись в 44 городах, причём во многих – впервые. В Джакарте демонстранты окружили здание парламента и снесли его ограду, а студенты заняли заправочные станции. В Джокьякарте демонстранты захватили железнодорожный вокзал. В Макассаре был оккупирован торговый центр и рестораны Макдональдс. Новым явлением стало участие в социальном протестном движении студентов, прежде выступавших лишь с требованиями, касавшимися их собственных проблем. В ряде городов студенты стали главной движущей силой протестов. К протестующим присоединились мусульманские организации, исламские радикалы, такие, как Хизб-ут-Тахрир, которые никогда прежде не выступали с экономическими требованиями.

Широкий размах социального протеста вынудил парламент отложить повышение цен на топливо на шесть месяцев, при условии, что мировые цены на нефть не поднимутся значительно. Заседание парламента, посвящённое вопросу повышения цен на топливо, транслировалось по телевидению. Поэтому депутаты всех партий наперебой старались выставить себя подлинными защитниками интересов широких народных масс [8].

Очередная попытка правительства повысить цены на керосин была предпринята в 2013 г. и снова вызвала мощную волну социального протеста. Тысячи людей по всей стране вышли на демонстрации. В столице массовые демонстрации, поначалу мирные, переросли в стычки с полицией. Столкновения начались перед воротами парламента, где законодатели обсуждали принятие бюджета с 33%-ым увеличением средней цены на горючее. Утром у здания парламента собрались около 3000 протестующих, которые с наступлением темноты начали бросать в со-

бравшихся у здания служащих сил безопасности камни, бутылки с зажигательной смесью и фейерверки. Многие демонстранты прятали лица и размахивали плакатами: «Отклонить повышение цен на топливо!» и «Повесить президента Сусило Бамбанга Юдх ойоно!». В ответ полицейские выпустили по протестующим множество залпов слезоточивого газа. Две полицейские бронемашины стали поливать демонстрантов из водомётов. Со своей стороны, демонстранты подожгли автомобильные покрышки, и воздух заволкло чёрным дымом.

Около 19 тысяч полицейских и военных были сосредоточены в Джакарте. Протесты вспыхнули и в других частях страны. В Тернате на Молуккских островах были ранены пятеро протестующих, журналист и семь полицейских. Двухтысячная толпа кидала палки и камни в полицейских, отвечавших резиновыми пулями. В Джамби на Суматре сотни протестующих пытались прорваться через ворота в здание местного законодательного органа, но полиция разогнала их, используя слезоточивый газ [10].

В парламенте оппозиционные партии, руководствуясь стремлением набрать политические очки в преддверии предстоящих в 2014 г. всеобщих выборов, выступили против снижения субсидий [1, с. 151–152].

Масштабные выступления являются также результатом повышения уровня эксплуатации трудящихся. Запрещается деятельность профсоюзов, помогающих рабочим организовывать забастовки для борьбы за повышение зарплат. Владельцы заводов и фабрик отказываются от переговоров по заключению коллективных трудовых договоров, не заботятся об обеспечении достойных условий труда, снижают рабочим зарплату [16].

В начале 2012 г. Союз промышленников и предпринимателей пригородов Джакарты намеревался отменить в своём районе действие закона о повышении минимальной заработной платы для рабочих. В знак протеста тысячи трудящихся вышли на уличные демонстрации, продолжавшиеся несколько дней и сопровождавшиеся блокированием центральных магистралей и шоссе дорог, что вызвало коллапс экономической деятельности в районе. В итоге трудящиеся одержали победу.

В декабре 2014 г. более 10 тысяч человек вышли на забастовку, устроенную профсоюзами рабочих, требовавшими повышения минимальной оплаты труда. Представители профсоюзов заявляли, что необходимо поднять минимальный уровень оплаты на 50% в связи с тем, что в ноябре правительство на 30% повысило цены на бензин [18].

Количество выступлений против роста эксплуатации трудящихся постоянно увеличивается, но они носят преимущественно локальный характер, не связаны между собой и не имеют единого координационного центра. В профсоюзы входят только 7 миллионов рабочих, между

тем как значительная часть рабочей силы занята в теневом секторе экономики. Президент Конфедерации профсоюзов Индонезии (KSPI) утверждает, что работодатели эксплуатируют миллионы низкооплачиваемых работников, незащищённых трудовыми договорами [15].

Среди профсоюзов нет единства по поводу проведения стачек. Многие стремятся решить проблемы путём переговоров с предпринимателями или обращений к властям. Так, крупнейший из профсоюзов, Общеиндонезийский союз рабочих, отказался от участия в забастовочных мероприятиях, вступив в переговоры с правительством.

Даже если трудящиеся добиваются уступок, такой социальный протест не является в современной Индонезии серьёзным фактором нестабильности. Рабочее движение остаётся слабым, поскольку в стране нет партий, которые защищали бы интересы трудящихся и координировали протестные движения.

Конфликты из-за несправедливого распределения доходов от эксплуатации природных ресурсов

Социальный протест в Индонезии, особенно в сельской местности, часто вызывают действия местных властей, лишаящие местных жителей доходов от использования земель, например, для добычи полезных ископаемых. Доходы, полученные от добывающих компаний, перечисляются властям провинций и районов, но не жителям, интересы и права которых непосредственно затрагивает разработка природных ресурсов. По сведениям министра-координатора по вопросам экономики, серьёзные нарекания вызвали 75% (6000 из 8000) разрешений на разработку минеральных ресурсов, выданных местными властями [9].

Жители активно протестуют против ухудшения экологической обстановки в результате эксплуатации природных ресурсов, особенно против вырубки леса под разработку полезных ископаемых или под закладку плантаций масличной пальмы. Часто для расчистки земли выжигают, что приводит к загрязнению атмосферы и создаёт пожарную опасность для близлежащих деревень [3, с. 177]. Кроме того, вызывает протесты концентрация сельскохозяйственных земель в руках крупных индонезийских и иностранных собственников. Большие массивы таких земель не вводятся в сельскохозяйственный оборот, хотя в стране имеется большое количество остро нуждающихся в увеличении своих участков малоземельных крестьян, не говоря уже о безземельных. По данным Национального земельного комитета, в 2010 г. 56% земельных угодий находились в собственности 0,2% граждан, из них около 7,3 млн га, принадлежавших частным компаниям, не использовались по назначению [12, р. 1]. Широкая раздача лесных участков под вырубку затрагивает жизненно важные интересы аборигенов, чей жизненный уклад неразрывно связан с использованием леса.

В Центральном и Западном Калимантане недовольство местного населения вызывает приток мигрантов с других островов и вырубка лесов, которые рассматриваются местным населением – даяками – как традиционная среда обитания. Мигранты принадлежат к другим этносам и вероисповеданиям, а уровень образования и уровень жизни у них выше, чем у даяков. Социальный протест даяков принимает форму этно-религиозного конфликта. В 2000 г. сожжение дома, принадлежавшего даяку, стало поводом к серии погромов в отношении мигрантов-мусульман с острова Мадура, которые были вынуждены бежать в другие районы Калимантана. Общее число жертв, в основном мадурцев, составило более 500 человек. Беспорядки в Самбасе (на западе Калимантана) в феврале 1990 г. начались с того, что один из пассажиров автобуса отказался оплатить свой проезд. Его спор с кондуктором, переселенцем с Мадеры, перерос в кровопролитие, охватившее несколько деревень и посёлков. Три человека были убиты, сожжены два грузовика и 20 домов [3, с. 76].

Модернизация, глобализация и социальный протест

Экономическая и социальная модернизация проникают в самые глухие уголки страны, затрагивая жизнь изолированных ранее этнических групп. Модернизация разрушает привычный образ жизни местного населения, лишает его главного источника существования – традиционных занятий. Переход к современным способам производства нередко сопровождается появлением представителей других этносов. Коренные жители воспринимают эти новшества как навязанные извне, нарушающие их исконные права на землю и подрывающие традиции предков. Они стремятся вернуться к привычному образу жизни, требуя изгнания иноэтничных переселенцев с их чуждой верой, культурой и привычками.

Примером социальных протестов такого рода служат события в Посо (Центральный Сулавеси). Острейший конфликт, принявший этно-национальную форму, был вызван соперничеством за политическое влияние и экономические выгоды пришлых и местных этносов, исповедующих разные религии. Посо издавна населён племенами, занимавшимися подсечно-огневым земледелием. Голландцы обучили местное население поливному рисоводству и обратили в протестантизм. Протестанты постепенно сложились в этническую группу, называвшую себя памона.

Посо славится ценной эбеновой древесиной, здесь хорошо произрастает какао. Для освоения этих ресурсов сюда были проложены дороги, а затем началось переселение из Южного Сулавеси бугов и макасарцев, исповедовавших ислам. Предприимчивые мусульмане стали вытеснять памона из производства и торговли, скупать их земли. В итоге на своей исконной земле протестанты-памона оказались в меньшинстве, утра-

тив и политическое влияние в местной администрации. К тому же авторитет традиционных деревенских властей пошатнулся с развитием современных бюрократических институтов, где стали доминировать квалифицированные чиновники и военные-мусульмане. Закон о децентрализации управления 1999 г. предоставил местным органам власти широкие возможности по контролю над разработкой природных ресурсов и распределением доходов.

В декабре 1998 г. в разгар избирательной кампании драка между мусульманином и протестантом вылилась в массовое столкновение представителей двух религиозных общин. Погромы и погромы шли три года с переменным успехом, пока в 2001 г. здесь не появились экстремисты из террористической организации Джемаа Исламия, после чего перевес оказался на стороне мусульман. За 1998–2001 гг. здесь погибло от 1000 до 2500 памонов, несколько тысяч получили увечья. Десятки церквей и мечетей были сожжены, 100 тысяч беженцев покинули свои разрушенные и разграбленные дома. Вспышки насилия повторялись в 2006 и 2007 гг. Полиции всё же удалось их подавить и арестовать наиболее активных зачинщиков, однако глубинные причины конфликта сохраняются [3, с. 80–83; 5].

Другой пример социального протеста, также вызванного процессами модернизации и глобализации – это конфликт в Западном Ириане (индонезийское название западной части Новой Гвинеи). Здесь проживают 1,56 млн человек, в основном папуасские племена (80%), а также выходцы с других островов Индонезии. В религиозном отношении немногим более половины населения принадлежат к протестантской церкви, четверть – к католической, остальные исповедуют ислам. Экономические корни конфликта кроются в проблеме распределения доходов от разработки природных богатств. В Западном Ириане имеются месторождения меди, нефти и природного газа, залежи золота и урана. Территория богата древесиной, а окружающие моря – рыбой и морепродуктами. В провинцию широким потоком хлынул индонезийский и иностранный капитал, причём деятельность компаний стала наносить серьёзный ущерб природной среде.

В районах добычи полезных ископаемых у местного населения начали активно отбирать земли и леса, плодами и дарами которых они привыкли жить испокон веков. Местным мало достаётся от получаемых компаниями прибылей. Уровень жизни автохтонного населения в богатейшей провинции – самый низкий в Индонезии. Поэтому часть папуасов считают, что их родина, которая раньше была колонией Голландии, теперь становится колонией Индонезии. Жители протестуют против захвата земель иностранными компаниями, требуют компенсации за ущерб, нанесённый природной среде, требуют развития систем здравоохранения и образования.

Как и в Посо, недовольство местных вызывает поощряемая правительством миграция. Число переселенцев, по разным оценкам, составило к 2000 г. от 30% до 50% населения провинции. Более образованные и опытные, переселенцы занимают ведущие позиции в экономике и органах местного управления, в то время как среди местного папуасского населения высок уровень безработицы, поскольку нехватка образования и профессиональной подготовки делает их неконкурентоспособными. Массовый приток мигрантов создал угрозу превращения коренного населения в этническое меньшинство на собственной земле. В районах разработок полезных ископаемых и на побережье растут города с отелями и барами, где живут рабочие из других регионов Индонезии. Приезжие несут с собой отличные от местных образ жизни, традиции и обычаи, что рассматривается папуасским населением как подрыв их собственной самобытной культуры. Со своей стороны, поселенцы считают папуасов нецивилизованным, отсталым народом. Мигранты чужды местному населению не только в цивилизационном и этническом, но и в конфессиональном отношении. Большинство папуасов исповедует либо христианство, либо традиционные языческие верования, а мигранты – ислам. Соотношение между мусульманами и немусульманами в Западном Ириане неуклонно меняется в пользу мусульман. Папуасы недовольны ползучей исламизацией, которую они рассматривают как дополнительную угрозу национальным традициям и культуре. Между тем рост численности мусульман позволяет местным исламским организациям претендовать на политическое доминирование в органах власти. Привлекая на свою сторону деревенскую верхушку, местные органы власти совместно с руководством компаний стремятся представить протестные движения как фактор, тормозящий экономическое развитие страны и модернизацию сельскохозяйственной сферы [3, с. 83–87].

Угрозы территориальной целостности страны

Социальный протест, облечённый в форму этно-религиозного конфликта, ведёт к сепаратизму, особенно в окраинных районах. Для Индонезии, состоящей из 17 тысяч островов, из которых населены около 6 тысяч, сепаратистские тенденции заключают в себе риск территориальной целостности. В начале XXI в. социальный протест в своих интересах использовали сепаратисты из провинции Аче (север Суматры), в Западном Ириане, в южной части Молуккских островов.

Провинция Аче обладает богатыми запасами нефти и газа. В 1970-е гг. по соглашению с центральным правительством американские нефтяные и газовые компании начали эксплуатацию этих ресурсов Аче, причём основная часть доходов переправлялась центральным властям.

Под лозунгом защиты прав и интересов народа Аче Хасан Мухаммад ди Тиро, происходивший из известной семьи религиозных деятелей, основал Движение за свободное Аче (ГАМ). Харизматичный лидер сформировал отряды боевиков для борьбы за независимость провинции. ГАМ делал упор на ограблении местных природных богатств находящимся на Яве центральным правительством, тогда как население Аче страдает от нищеты. На деле лидеры движения стремились поставить под свой контроль производство и продажу сжиженного газа на севере Суматры.

С ростом уровня загрязнения окружающей среды в результате промышленного освоения газовых месторождений Движение приобретало новых сторонников. Местные жители были недовольны захватом их земель иностранными компаниями и мигрантами с других островов, а также обострением конкуренции за рабочие места. Вооружённые банды ГАМ нападали на государственные учреждения, предприятия иностранных компаний, убивали мирных жителей, которые отказывали им в поддержке. ГАМ контролировал в провинции до 80% деревень. Иммигранты из региона вытеснялись, деятельность официальных органов власти оказалась парализована. В переговорах с центральным правительством сепаратисты настаивали на независимости Аче, что было абсолютно неприемлемо для Джакарты.

Конфликт удалось урегулировать правительству президента Юдойоно. В 2005 г. правительственные войска были выведены из Аче, а повстанцы сложили оружие, добившись признания автономии и права на введение шариата. В Аче была учреждена шариатская полиция, следящая за неукоснительным следованием установлениям шариата, таких как запрет азартных игр, алкоголя, ношение хиджаба, применение наказаний в форме бичевания [3, с. 93–96].

В Западном Ириане недовольство папуасского населения социальным положением выливалось в протест против действий центрального индонезийского правительства и поддержку националистических организаций, выступающих за широкую автономию или полную независимость. Активно действуют боевики Национальной освободительной армии/Организации Свободное Папуа, несколько политических сепаратистских группировок и недавно созданный Национальный комитет Западного Папуа. Эта ситуация отягощает отношения Индонезии с соседними государствами – Папуа-Новой Гвинеей (ПНГ) и Австралией. Туда направляются беженцы и преследуемые властями сепаратисты, которые находят поддержку со стороны неправительственных организаций этих стран [3, с. 90–91].

Угроза политической системе и конституционным основам Индонезии

Глобализация и социально-политическая демократизация вызывают реакцию отторже-

ния, которая проявляется в усилении протестных движений, облечённых в исламскую форму. Внедрение учреждений «западной» экономической системы – банков, супермаркетов и т.п., вытесняющих из деловой жизни традиционные формы бизнеса; развитие туризма; широкое проникновение западной массовой культуры с распространением чуждых ценностей и образа жизни ведут к обострению конкуренции за ресурсы, за руководящие позиции в политике и бизнесе. Противостояние старых и новых форм и методов деятельности, традиционных и либеральных ценностей нередко разворачивается под религиозными лозунгами.

Около 90% населения Индонезии составляют приверженцы ислама. Мелкие и средние предприниматели, а также торговцы в большинстве своём относятся к числу самых ревностных мусульман. Ухудшение своего положения они связывают с вестернизацией, отходом от исламских ценностей, традиционного образа жизни. Эти представления находят понимание у широких народных масс, которым тоже нелегко приспособиться к быстро меняющимся условиям существования.

Происходящим в современной Индонезии процессам демократизации ревнители ислама противопоставляют идеалы исламского государства, выступая как против существующей политической системы либеральной демократии, так и против конституционных основ индонезийской государственности. Идеи построения исламского государства в Индонезии пропагандируются в теоретических трудах мусульманской части индонезийской интеллигенции и в практических действиях радикальных исламистских организаций, нередко применяющих террористические методы борьбы.

Радикализация ислама и рост исламского экстремизма в Индонезии направлены не только против вестернизации, но и против умеренного ислама, характерного для большинства индонезийских мусульман. Консервативный ислам, отвечая на демократический вызов современности, утверждает, что ислам и демократия несовместимы. Глобализация, ускоряющая проникновение в страну массовой западной культуры, вызывает резко негативную реакцию со стороны радикальных слоёв правоверных. Мусульманских радикалов объединяет влиятельный Фронт защитников ислама. Под эгидой этой организации создан из выпускников, учащихся и преподавателей сельских религиозных школ, безработной молодёжи Отряд Защитников Ислама, которые проходят обучение в военизированных лагерях. В Отряд принимают и представителей криминала, которые выполняют роль боевой силы при совершении экстремистских акций, организации уличных беспорядков или нападений на бары и публичные дома.

Деятельность радикальных исламистских организаций и террористических групп, стремящихся подчинить недовольство индонезийцев

социальным и экономическим положением собственным целям, создаёт угрозу политической стабильности в стране. Религиозные эмиссары и боевики направляются к местам социальных выступлений, участвуют в драках и погромах и одновременно ведут широкую пропаганду радикальных идей, джихадизма, вербуют сторонников среди мусульманского населения, недовольного модернизацией, глобализацией и вестернизацией. После прекращения открытого силового противостояния боевики не уезжают домой, а остаются в местах напряжённости, подерживая регулярные связи со сторонниками, формируя из них отделения своих организаций и занимаясь подготовкой боевиков из числа местных жителей. В результате сети радикальных исламистских группировок распространяются на новые районы, социальные и этнические группы.

Помощь единоверцам в местах социальных протестов и этно-религиозных конфликтов ведёт к сплочению радикалов, упрочению связей между различными экстремистскими организациями Индонезии и всей Юго-Восточной Азии. Свою задачу они видят в создании на территории Индонезии, а в будущем, возможно, и во всём малайском мире, исламского государства, чему должны предшествовать максимальная исламизация и ввод в действие установлений шариата. Главным врагом недовольного населения объявляются власти. Деятельность исламских экстремистов ставит под угрозу мир и спокойствие, достигнутые в районах этно-религиозных конфликтов. Социальные выступления под исламскими лозунгами представляют собой опасный дестабилизирующий фактор. Эти выступления направлены против модернизации, либеральных ценностей, политической системы, демократического режима и конституционных основ современной Индонезии.

Социальный протест бывает вызван недовольством внешней политикой правительства. Время от времени такой протест выливается в массовые демонстрации антиамериканской направленности. Иногда недовольство вызывает умеренность позиции правительства по проблемам ислама. Однако такие протестные акции не подрывают социальную опору власти.

Социальный протест и политические партии

Индонезийские политические партии не пользуются доверием народных масс. У партий нет чётко сформулированных идеологий. Они обращаются к массам с популистскими лозунгами. Программные установки у правящих и оппозиционных партий практически неразличимы. Риски, связанные с социальным протестом, для действующей власти и для стабильности политической системы сегодня минимальны. И правящая коалиция, и оппозиция будут использовать социальный протест в политической конкуренции осторожно, поскольку оба блока,

■ Политические науки

по сути, политически и социально однородны и их коренные классовые интересы сходны. Активное использование правящим и оппозиционным блоками социального протеста чревато подрывом внутривнутриполитической стабильности

и может вызвать к жизни опасные силы – исламизм, джихадизм, сепаратизм, усиление сторонников военно-авторитарного режима – способные смести не только правящую группировку, но и оппозицию [4, с. 62–63].

Список литературы

1. Другов А.Ю. Индонезия в 2012 году: события и тенденции / Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XX. Юго-Восточная Азия 2012–2013 гг. С. 147–181
2. Другов А.Ю. Религия, общество и власть в современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 13. 2009. С. 164–182
3. Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век. Учебное пособие. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2014. 205 с..
4. Ефимова Л.М. Республика Индонезия / Электоральные процессы в странах Юго-Восточной Азии в XXI веке. М., ИВРАН, 2015. 315 с.
5. Aragon L.V. Communal Violence in Poso, Central Sulawesi: Where People Eat Fish and Fish Eat People // Indonesia. 2001. No 72. P. 45–79.
6. Bland B. Indonesia: a Delicate Succession / Financial Times. 2013. 11 August.
7. Dhakidae D. "Partai-partai Politik, Demokrasi, dan Oligarki", Partai-partai Politik Indonesia: Ideologi dan Program. Kompas Peberbit Buku Kompas, Jakarta, Februari 2004.
8. Indonesia: Peningkatan Protes Kelas Pekerja dan Rakyat Miskin untuk Menuntut Hak Sosial dan Ekonomi [электронный ресурс] Режим доступа: www.asocialistmalaysia.blogspot.ru/2012/06/indonesia (Accessed: 20.12.2014)
9. Iwan Gardono Sujatmiko. Konflik dan Keadilan Sosial [электронный ресурс] Режим доступа: www.duniaessai.com/indeks.php?opinion=com_content&view=articleid=504 (Accessed: 20.12.2014)
10. Ross M.L. Resources and rebellion in Aceh, Indonesia. Department of Political Science, 4286 Bunche Hall, UCLA, June 5, 2003.
11. Stefanus Laksanto Utomo Dr.&Theo Yusuf SH MH. Memaknai Protes Para Pakar Tanah ke Presiden [электронный ресурс] Режим доступа: www.keadilanagraria.worldpress.com/2013/02/14/ (Accessed: 20.12.2014)
12. U.S. Department of State. 2000 Annual Report on International Religious Freedom: Indonesia, p.1.
13. Weakening Indonesia's Mujahidin Network: Lessons from Maluku and Poso /Asia Report No. 103 October 2005, Internation Crisis Group Jakarta/Brussels.
14. "Weakening Indonesia's Mujahidin Network: Lessons from Maluku and Poso." Asia Repotr No. 103 October 2005, Internation Crisis Group Jakarta/Brussels

Об авторе

Ефимова Лариса Михайловна – д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.

SOCIAL PROTEST IN CONTEMPORARY INDONESIA

Larisa M. Efimova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Social protest in contemporary Indonesia is brought about by four important processes going on in the world lately namely modernization, globalization, westernization and democratization. These processes we can see in contemporary Indonesia gaining speed in the 21 century. There impact varies in different regions of the country, on various social groups of Indonesian population. As a consequence forms and modes of the social protest are different in diverse regions of the country and among various social and ethnic groups.*

Spontaneous social movements triggered by the drastic fall of the living condition of the wide masses of the country's population are the most dangerous to the ruling elite. Certain steps of the local authorities which allow big business to exploit mineral and land resources and as a consequence deny local population of traditional sources of their livelihood derive strong protests and waves of mass demonstrations. Globalization which penetrates the country's economy, political and social

democratization and westernization provoke protest movements under Islamic banners and increase Islamic trends in Indonesian society.

Nevertheless we may draw a conclusion that political risks following from social protest movements in contemporary Indonesia appeared to be minimal both to the ruling authorities and to the stability of the country's political system.

Key words: Indonesia, social protest, globalization, social modernization, democratization, westernization, political risks, Islamic trends, Islamic banners.

References

1. Drugov A.Yu. Indonesia v 2012 godu: sobytiya i tendenzii /Aktualnye Problemy. Vypusk XX. Ugo-Vostochnaya Aziya: 2012–2013 rr. Indonesiain 2012: Events and Tendencies] / Southeast Asia: Problems of Development. Issue XX Southeast Asia: Current Problems 2012–2013]. M., 2014. S.147–181.(In Russia)
2. Drugov A.Yu. Religiya, Obshestvo i Vlast v Sovremennoy Indonesii [Religion, Society and Power in Contemporary Indonesia]. Iugo-Vostochnaia Azia: aktual'nye problemy razvitiia. M.: Izd. IV RAN. Vypusk 13. 2009. C. 164–182. (In Russia)
3. Efimova L.M. Islamv Yugo-Vostochnoy Asii: XXI vek. [Islam in Southeast Asia: XXI century]. M.: MGIMO(U), 2014. 205 s. (In Russia)
4. Efimova L.M. Respublika Indonesia. /Elektoralnye Processy v Stranah Yugo-Vostochnoy Asii v XXI Veke [Respublika Indonesia. / Electoral Processes in Southeast Asia in the XXI Century].. M, IVRAN, 2015. 315 s. (In Russia)
5. Aragon Lorraine V. Communal Violence in Poso, Central Sulawesi: Where People Eat Fish and Fish Eat People // Indonesia. 2001. No 72. P. 45–79.
6. Bland B. Indonesia: a Delicate Succession/ Financial Times. August 11, 2013. www.ft.com/cms/s/0/4b31a456-0021-11e3-ba6b-00144feab7de.
7. Dhakidae D. "Partai-partai Politik, Demokrasi, dan Oligarki", Partai-partai Politik Indonesia: Ideologi dan Program. Kompas Peberbit Buku Kompas, Jakarta, Februari 2004.
8. Indonesia: Peningkatan Protes Kelas Pekerja dan Rakyat Miskin untuk Menuntut Hak Sosial dan Ekonomi. www.asocialistmalaysia.blogspot.ru/2012/06/indonesia...
9. Iwan Gardono Sujatmiko. Konfkik dan Keadilan Sosial. www.duniaessai.com/indeks.php?opinion=com_content&view=articleid=504...
10. The Peninsula, June 18, 2013. www.thepeninsulaqatar.com/news/asia/241796 (Awww.keadilanagraria.worldpress.com/2013/02/14/. (Accessed: 12.11. 2014).
11. Ross Michael L. Resources and rebellion in Aceh, Indonesia. Department of Political Science, 4286 Bunche Hall, UCLA, June 5, 2003. [https://yandex.ru/yandsearch?&clid=2186617&text=Ross Michael L. Resources and rebellion in Aceh%2C Indonesia](https://yandex.ru/yandsearch?&clid=2186617&text=Ross+Michael+L.+Resources+and+rebellion+in+Aceh%2C+Indonesia) (www.keadilanagraria.worldpress.com/2013/02/14/. (Accessed: 12.11. 2014))
12. Stefanus Laksanto Utomo Dr.&Theo Yusuf SH MH. Memaknai Protes Para Pakar Tanah ke Presiden. www.keadilanagraria.worldpress.com/2013/02/14/. (Accessed: 12.11. 2014).
13. U.S. Department of State. 2000 Annual Report on International Religious Freedom: Indonesia, p.1.
14. Weakening Indonesia's Mujahidin Network: Lessons from Maluku and Poso." Asia Repotr No. 103 October 2005, Internation Crisis Group Jakarta/Brussels.

About the author

Larisa M. Efimova – Doctor of History, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO (University) of the MFA of Russia.